

Юрий Франк

СЛОВО

легенда о любви

Юрий Франк

Слово

«Издательские решения»

2015

Франк Ю.

Слово / Ю. Франк — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-457-88936-1

Фантастическая повесть. Авторская редакция. Иллюстрация на обложке: репродукция картины «Вероника» (холст, масло), Юрий Франк.

ISBN 978-5-457-88936-1

© Франк Ю., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава первая: Вестница победы	6
Глава вторая: Незванный гость	7
Глава третья: Откровение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Слово
легенда о любви
Юрий Франк**

*В начале было Слово
Библия*

© Юрий Франк, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая: Вестница победы

Вероника старалась не обращать внимания на недовольное бурчание желудка, напоминавшее о недавнем лирическом диетическом ужине. Она ощущала внутреннюю радость, ведь сегодня на большой перемене ей удалось купить книгу, само название которой заставляло биться чаще сердечко нашей прелестной героини.

Итак, воцарилась долгожданная ночная тишина, уснули соседи, засыпают под негромкие звуки телевизора любимые родители, и Вероника наконец-то может позволить себе приступить к чтению. На приятной на ощупь твёрдой тёмно-синей обложке красовались золотые слова: «Легенда о Любви». Раскрыв книгу на первой странице, девушка начала читать...

«Дождь стучал по стеклу. Художник смотрел сквозь пелену непрерывного потока небесных слёз. Раскаты грома запоздало гремели после вспышек ярких молний. За спиной Художника стояла прислонённая к стене, ещё не законченная, картина.

Светило догорало, и на него можно было смотреть, не боясь ослепнуть, даже без солнцезащитных очков. Планеты звёздной колыбели Земли замедлили ход своего движения, и тусклый солнечный день продолжался целый год, оставляя хозяйкой следующего года холодную и бледную, как призрак, Луну. Художник ждал её, – ту, которую любил. Именно её портрет, нарисованный вручную давно забытым способом, с применением масляных красок и кисти, он решил подарить ей на день рождения. Он не мог общаться с ней мысленно, значит, она была ещё довольно далеко. Дождь нравился Художнику. Под шёпот множества падающих капель в голову приходили интересные мысли. И сейчас Художник думал о том, почему всё хорошее, что случается в жизни, человек обычно ставит себе в заслугу, а во всём плохом почти всегда винит судьбу?».

Этот, неожиданно заданный с первых же страниц книги, философский вопрос заставил Веронику задуматься.

Она оторвалась от чтения и прислушалась к звенящей ночной тишине. Девушка, не по годам, интересовалась тайнами мироздания, и часто бессильно пыталась решить и объяснить хотя бы для самой себя главный вопрос, – какая сила движет планеты и звёздные системы, понуждает стучать вечным двигателем сердце, заставляет расти и пробиваться к свету, сквозь песок и камни, хрупкие растения и нежные прекрасные цветы?

Да, когда-то человечество знало ответ на этот вопрос. Но затем было придумано нагромождение множества других слов и названий, всем окружающим вещам были присвоены имена, и фундаментальное слово ослабло, его стали говорить где попало, и всё здание человеческого понимания вот-вот грозило рухнуть, похоронив под собой ответ.

Глава вторая: Незванный гость

«Её звали Ника. Она была всего лишь на триста лет младше Художника, и она была для него исключительной. Потому что, как и все исключения, Ника лишь подтверждала правило: «Взаимной любви нет». Художник и сам на протяжении своей жизни всё больше и больше убеждался в правильности данного утверждения. Более того, в иные минуты он не раз убеждал себя, что, скорее всего, любви вообще нет. Решив для себя, что ценой всему является одиночество, он создал свой обособленный мир, отгородившись от остальных людей стеной материального благополучия. И вот тут-то его и нашла знаменитая «насмешка небес», «капризная судьба», фортуна, исполняющая желания тогда, когда в их исполнение уже никто не верит, и карающая самоуверенных людей своим фатальным исключением.

Как только он увидел её глаза, все его прежние глубокомысленно-циничные умозаключения рухнули, показались отчаянно-пустыми, и были обречены на забвение. Взаимно влюблённые, наконец, найдя друг друга, нарушили вышеупомянутое правило. Художник и Ника испытывали друг к другу настоящее чувство, и им самим не верилось, что это так. Иногда страх потерять это чудо всё-таки закрадывался в их сердца, и тогда они крепко-накрепко обнимались, чтобы тревога ушла, оставив их в надёжной уверенности, что всё, что происходит – правда, и главное – быть вместе...

Поглощённый собственными мыслями, Художник вздрогнул, почувствовав пришедшую к нему мысль Ники: «Ты ждёшь меня?» Значит, она была уже недалеко. «Конечно жду, Солнце. Грустно и терпеливо», – был его ответ.

Мир вокруг катился в пропасть, а Художнику страстно, как никогда, хотелось жить. Всё вокруг было наполнено тотальным материализмом, телевизионные каналы нещадно смаковали подробности виртуальных войн, а также намеренно сфабрикованно-спровоцированных бед и несчастий, царящих в бесконечных телевизионных шоу и фильмах киноиндустрии.

Но когда рядом появлялась Ника, мысли начинали течь спокойнее, и зло как будто исчезало...

Наш шестисот тридцати трёхлетний Художник работал единоличным высокооплачиваемым пилотом мощного карго-судна «Гироскоп», выполнявшего рейсы по перевозке грузов с других планет солнечной системы для обеспечения промышленности голубой планеты ценными, давно иссякшими на Земле, запасами металлов и руд. В месяц случалось не более двух рейсов, и раньше это не доставляло ему особых забот. Наоборот, он изнывал от безделья и скуки в дни отдыха, свободные от перевозок. Как и всем людям, лишь уход в работу с головой позволял ему почувствовать иллюзорную нужность, и обрести, хоть на время, чувство осмысленности и пользы своего существования. Космопорт, подобно гигантскому муравейнику, всегда был наполнен множеством снующих людей, торопливо и важно исполняющих свои профессиональные обязанности, и их лица даже светились от радости, – ведь они были заняты.

Но после встречи с Никой каждый рейс казался ему каторгой, ведь разлука, пусть и длящаяся всего сорок восемь часов, казалась такой долгой... Зато, какой радостью были наполнены их долгожданные встречи!

Он жил на двадцать восьмом этаже высотного здания, построенного в далёком семьдесят седьмом веке. Практически все жилые дома объединённого Города были спроектированы тогда, когда население ещё непрерывно и стихийно увеличивалось, ведь закон ещё разрешал иметь детей каждому человеку. Вето на рождение было наложено Правительством в целях «повышения социального уровня жизни». Право продолжения рода предоставлялось лишь избранным, к коим, несомненно, относилась знать. И с этим никто не спорил, общество понимало, что «плодить бедноту» незачем, ведь жизнь – очень длинная, жестокая и

сложная штука, и прожить её необходимо, разумно взвешивая каждый шаг. Но самое главное, – никому и не хотелось иметь детей. С развитием разума животные инстинкты, в том числе и материнский, превратились в атавизм. Животное стремление к продолжению рода практически атрофировалось. В знатной среде «заведение» и «воспитание» детей были чем-то вроде давно принятого обычая, возведённого в ранг закона. Перенаселение планеты ещё в сорок втором веке поставило разрозненные к тому времени государства на грань выживания и войн. Лишь жесткий контроль над рождаемостью, принятие единого языка и создание объединённого Города позволили избежать гибели планеты. С каждым веком сгоравшее Солнце светило всё слабее, планеты двигались всё медленнее, а человеческие сердца бились всё реже, приближая среднее значение пульса к двадцати ударам в минуту. Люди стали холоднокровнее и без преувеличения жили почти вечно. Но что это была за жизнь?..

Раздался долгожданный звонок в дверь. Художник улыбнулся и торопливо пошёл открывать двери. Дверей было пять, ведь только такой уровень защиты обеспечивал хоть какую-то психологическую безопасность. Открыв первые две, он взглянул на экран видеоглаза, расположенный на третьей двери, – но увидел там не Нику, а какого-то седого старичка с длинной, аккуратной, ослепительно-белой бородкой и в алом бесформенном балахоне. В руках незваный гость держал потёртый талмуд в тёмно-вишнёвой обложке. Сожаление отразилось на лице Художника, заостряя две вертикальные морщинки разочарования, закрепившиеся со временем на щеках. Пятая дверь не пропускала телепатической и телекинетической энергии, поэтому, нажав на кнопку видеодфона, он громко спросил вслух:

– Чего Вы хотите?

Жалостливый, глухо звучащий и еле слышимый голос старика вызывал сострадание:

– Мне необходимо рассказать Вам одну очень важную вещь, милейший... Я учёный, профессор академии астрологии при Правительстве объединённого Города. В ваших руках, вернее в ваших сердцах жизнь Солнца!.. Мне никто не верит, но я умоляю Вас, – выслушайте...»

Зная по опыту, что чувство жалости в большинстве случаев вызвано незнанием подноготной, Художник несколько секунд раздумывал. Он взглянул на монитор домосканера и прочитал там следующий текст: «Объект – мужчина, три тысячи девятьсот семьдесят шесть лет, безопасен, не вооружён». Всё-таки приняв решение, Художник открыл оставшиеся двери, и, сняв защитный микроволновый экран, жестом руки попросил гостя войти в жилище.

«Где же Ника?», – свободно пронеслось в голове. И тут же в ответ прилетела её мысль: «Куплю чего-нибудь к чаю, и через десять минут буду, милый!»

Старичок без долгих церемоний снял золочёные остроконечные сандалии, прошёл в зал и сел на диван. Художник заметил, что взгляд астролога задержался на повёрнутой к стене картине. Мысль гостя не заставила себя ждать:

– Можно полюбопытствовать? Вы пишете картины, молодой человек?

Немного опешив от таких познаний, наш герой ответил:

– Да, а что, это как-то касается Вашего ко мне разговора? Извините, как мне называть Вас?

– Ах да, забыл представиться, меня зовут Кефер. А Ваше имя – Художник, насколько мне известно.

«Узнать моё имя старик мог по табличке на наружной входной двери, и ничего необычного в этом нет», – подумал Художник, поставив на эту мысль телеблок, чтобы она не дошла до астролога. Возникла минутная пауза, после чего странный гость по-хозяйски придвинул поближе к себе стол, и положил на него увесистую книгу, которую Художник заметил ранее. Дальнейшим словам профессора Художник уже не смог найти объяснения:

– А на портрете, конечно же, она? Ваша Ника? – сказал Кефер, и, усмехнувшись, продолжил: «Ника» – это ведь, насколько мне не изменяет память, «Победа» на одном из древнейших языков? Да-да, именно «Победа»...

Онемевший от изумления Художник даже не успел ничего спросить, а загадочный астролог неспешно продолжал:

– Посмотрите на эту книгу, без преувеличения, она – тоже «Победа»... Победа разума, итог величайшего труда. С древнейших времён жрецы по крупичкам собирали астрологические знания и передавали их друг другу из поколения в поколение. На понимание и изложение информации, уместяющейся всего лишь в одном предложении этого произведения, ушло несколько сотен жизней напряжённо думающих людей, верящих, что непонятное можно понять...

Глава третья: Откровение

Раздался второй звонок за этот вечер. Это наконец-то пришла Ника. Художник, оставив профессора, пошёл открывать ей, и спустя некоторое время негромкий женский смех наполнил квартиру. Затем до ушей старика долетел звук поцелуя и приближающийся шелест плиссированной юбки. Ника вошла и, удивлённо округлив красивые глаза, тихонько присела на краешек кресла. Аллертная напряжённость стройной осанки подчёркивала бросающуюся в глаза красоту и женственность девушки. Вошедший следом за ней в комнату Художник сел на пол и прижался спиной к её коленям:

– Рассказывайте дальше, Кефер. Вы очень заинтересовали меня, я уже передал всё Нике, и мы Вас с нетерпением слушаем.

Старик улыбнулся, его глаза потеплели, и он продолжил:

– Ну вот, хоть кто-то выслушает меня. Поверьте мне, друзья, самое большое искусство – это искусство быть услышанным. Можно очень тихо сказать очевидную глупость, но если суждено, то эта глупость станет широко известной, и её услышат и подхватят тысячи людей. И можно сказать мудрость, но её никто не услышит. Ведь люди просто будут заняты или будут спать в важный момент. Даже если начать кричать об этой мудрости, всё равно сей труд будет напрасным. А всё потому, что судьба, называемая также роком, «не дала слова» мудрой мысли, и ей будет суждено остаться неуслышанной до лучших времён... Я немного отвлёкся. Так вот, я продолжу, – эта книга называется «Транскрипция эфемерид», и она единственная в своём роде. То, что записано здесь, (ладонь профессора бережно легла на обложку), вы не найдете больше нигде. В ней дан исчерпывающий перевод языка звёзд на язык земных событий. Космос – это ведь тоже в некотором роде «книга». Люди подошли к изучению этой «книги» материально и разобрали по полочкам все составляющие звёздного пространства, – определили массу планет, пересчитали их, вычислили плотность звездного вещества. С таким же успехом любой библиотекарь мог бы взвесить каждую книгу, сосчитать количество страниц и даже букв в ней, но, чтобы прочитать её, понадобилось бы в первую очередь – умение, а уж потом и желание читать. Астрология, как серьёзная наука, – как раз и есть тот самый ключ, с помощью которого можно расшифровать то, что понял я. Я говорю не о той шарлатанской астрологии, которая лишь подорвала веру людей в эту науку, и отбила желание изучать её без насмешек, прикрывающих невежество и лень. Мои слова касаются астрологии, как науки, которой серьёзно занимались умнейшие из мужей древности. Всё это я рассказываю Вам, чтобы Вы поверили мне, потому что в то, что собираюсь сейчас рассказать, не верит никто... И ещё, милые мои, поняв истину, я был очень удивлён, потому что всё оказалось настолько просто, что становилось даже смешно. Достаточно было заглянуть себе в сердце, и каждый умеющий любить человек, без сомнения, нашёл бы там ответ... Но таких людей становилось всё меньше, и вот, наконец, сегодня я пришёл к вам, потому что только в двух ваших сердцах осталось то, что ещё позволяет гореть нашему Солнцу...

Старик сделал паузу. Воцарилось молчание. Ника полуизумлённо-полузадумчиво смотрела в окно, а Художник, поняв, что беседа не пятиминутная, предложил выпить чаю. Предложение, будто выведшее всех из оцепенения, было встречено восторгом и согласием. Хозяин жилища пошёл на кухню заваривать напиток, а хранительница очага села за старинный клавишный синтезатор, коснулась белыми тонкими пальцами пожелтевших клавиш, и вот уже весь дом наполнился чарующими звуками плавно льющейся мелодии. Спустя несколько минут на кухне зашумел мини-самовар, и по комнатам поплыл терпкий чайный аромат»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.